

8. Фохт-Бабушкин Ю.У. Художественная культура: Проблемы изучения и управления. – М.: Наука, 1986. – 343с.
9. Шаповал М.Ю. Загальна соціологія. – К.: Укр.. Центр духов. культури, 1996. – 368с.

Чернышева Е.В.

УДК 801.81 (560) + 801.81:398.21 (477).

СЮЖЕТНЫЙ МОТИВ ТУРЕЦКОГО АНЕКДОТА В УКРАИНСКОЙ ДУМЕ

Украинское общество XVI – XVII столетий, переживающее кульминационный период национальной истории, – явление чрезвычайно сложное. Завершающиеся этногенные процессы, самобытность такого явления, как запорожское казачество, наделяли народное искусство исключительной оригинальностью и многослойностью. Порожденные зависимостью от других государств, восстаниями и войнами экономические проблемы приводили к социальной нестабильности. Народное искусство не могло не отражать сложившейся ситуации.

По утверждению Ю. П. Присяжнюка, объектом исследования современной исторической науки пока что не является история чувств – страха, ненависти, любви, чести [19, с. 7]. Однако подобная история чувств зафиксирована в фольклорных произведениях.

Следует учитывать, что ментальность людей прошлого – это уровень общественного сознания, на котором мысль не была отделена от эмоций, привычек и приемов мировосприятия [19, с. 9]. Люди пользовались всем этим неосознанно. И. Я. Франко писал, что «... народный поэт создает свою песню из того эмоционального и идейного материала, которым живет вся масса его земляков» [25, с. 62].

Произведения народного искусства хранили память о различных контактах между этносами. «В народных песнях, в этой святой скрижали ... целые столетия разнообразнейших влияний и связей оставили свои следы». Существует «огромный геологический пласт, где находятся сбереженные в целостности либо разрушенные до неузнаваемости, как творения местной жизни, так и тысячи путешествующих памятков, занесенных морем и сушею, ветрами и волнами, ледниками» [25, с. 60-61].

Украинские думы – наиболее поздние произведения героического эпоса, поэтика которых неразрывно связана с поэтикой более ранних жанров. Отражая прошлое и повествуя о настоящем, думы хранили многослойность, в целом присущую фольклору. Вместе с тем, в силу своей реалистичности, историзма произведения украинского эпоса рассказывали о самых различных аспектах социальной жизни. На наш взгляд, в отдельных элементах сюжетов дум можно разглядеть отражение:

- сложности уже завершившихся этногенных процессов;
- контактов с соседними этносами и государствами, носящих неоднозначный характер;
- социальных процессов и социальных проблем, назревающих непосредственно в самом украинском обществе.

Фундаментом современных исследований украинского героического эпоса [11, 18] являются выводы основоположников отечественной фольклористики – М. П. Драгоманова, В. Б. Антоновича, И. Я. Франко. Одним из важных тезисов в работах ученых XX века была мысль, высказанная В. Б. Антоновичем: «Лучшие образы дум – относящиеся к явлениям борьбы, целью которой было оградить свой народ от эксплуатации международной (т.е. от захвата в рабство), а также от эксплуатации внутренней – т.е. социально-сословной [9, с. x]». Взаимодействие казацкой Украины с Востоком рассматривалось преимущественно в контексте противостояния.

Вместе с тем уже в XIX веке Н. В. Лысенко отличал возможность заимствования интонационной и метроритмической структуры казацких дум непосредственно у крымских татар [15, с. 843-845]. Г. П. Сокальский утверждал, что отличительные особенности украинской музыки могли появиться «...от общения с ближайшими соседями XII-XIII вв. – с валахами, венграми, турками и другими племенами» [23, с. 152]. Ф. Колесса в 1921 г. писал: «Непрерывные контакты с народами Азии, которые продолжают в украинской истории с древнейших времен, а кое-где имеют место и теперь, оставили значительные следы в языке, народной словесности, обычаях, одежде, орнаменте и, кажется, более всего, в народной музыке украинцев» [12, с. 74-75].

Современная исследовательница С. Грица в статье «Народные думы в межэтническом диалоге» доказала очевидность наличия в этих произведениях атрибутов связей с Востоком, в частности, с персо-иранской культурой. На это указывают, как минимум, шесть факторов: 1) ономастикон – топонимы, гидронимы; 2) тюркские лексические вкрапления; 3) основы создания корпораций народно-профессиональных исполнителей; 4) народный инструментарий – кобза восточного происхождения; 5) народный мелос дум, построенный на принципах возвышенной медитации, каноничности и обновления канона способами словесной и музыкальной орнаментики; 6) эсхатолого-дидактическая направленность этих произведений [7, с. 75].

Констатируя самобытность сюжетов дум, современные исследователи отмечают, что мало к каким из них можно подобрать параллели в поэзии других народов, поскольку казацкий эпос неразрывно связан с историей, бытом, специфическим социальным укладом и настолько оригинален, насколько насыщен национальной спецификой и проблематикой [18, с. 37]. Однако, анализ отдельных элементов сюжета представляет интерес с точки зрения их происхождения. Как утверждал В. Я. Пропп, историзм и структурализм не противоречат друг другу [21, с. 11].

На наш взгляд, примером заимствования сюжетного мотива может служить дума «Козак-нетяга Фесько Ганжа Андибер».

Цель предлагаемой статьи:

1. В контексте обоснования контактного аспекта фольклорных связей проанализировать сюжет, имена персонажей и встречающиеся топонимы.

2. Показать, насколько создаваемая исторической ситуацией картина мира в сознании авторов произведения может изменять первоначальную интерпретацию мотива, трансформируя идейно-эмоциональное содержание от веселой иронии до озлобления и сарказма.

«Фесько Ганджа Андибер», по словам В. Б. Антоновича, – «одна из лучших дум, – как запорожский гетман, представитель голоты, Ганджа Андибер побил гордых дуков-сребляников... Дума отражала, – писал ученый, – реакцию казацкой массы, против старшины, которая «стала выделяться в привилегированное сословие» [9, с. XI]. Произведение относят к думам раннего цикла. С одной стороны, назидательность, морализаторство, завершенность сюжетного времени делают повествование похожим на народную притчу. С другой стороны, конкретность реального пространства и упоминание «точных» имен действующих лиц сближают думу с другими произведениями этого жанра, имеющими социальную проблематику.

Казак – «нетяга», гулявший
«сім год і чотири,
«да потеряв з-під себе три коні воронії»,

Одет очень бедно. На нем

«Три серомязі,
Опанчина рогожова
Поясина хмельюва;
На козаку, бідному нетязі, «сап'янці –
Видні п'яти і пальці» [24, с. 37].

Герой заходит в корчму в городе Килии (по другому варианту – в Черкасскую корчму). Дуки – сребляники,

«... Гаврило Довгополенко
Переяславский,
А другий – Войтенко ніжинський,
Третій – Золотаренко чернігівський»,

Отнесли к бедняку с презрением, приказав нацедить ему в виде милостыни скисшего пива. Однако увидев, как тот

«... стал чересок винимати,
Став шинкарці молодій,
Насті калабній,
Увесь стіл червінцями устилати»,

Трое богатых казаков «стали в його червінці заглядати» и отношение к пришедшему изменилось. Когда же тому принесли дорогое гетманское облачение,

«...тоді стали його вітати
Медом склянкою
І горілки чаркою».

Но гетман не пил, а проливал все на свое дорогое одеяние, приговаривая:

«Ей, шати мої, шати!
Пийте, гуляйте!
Не мене шанують,
А вас поважають» [24, с. 41].

Достаточно оригинальный мотив кормления одежды пищей встречается в турецком анекдоте о Ходже Насреддине:

«Приглашенный на свадьбу Насреддин явился туда в своей старой истрепанной одежде. Хозяева не оказали ему никакого уважения, посадили на самое последнее место и весь вечер не обращали на него никакого внимания. Через неделю в той же деревне была другая свадьба. Насреддин попросил у своего соседа дорогую шубу и явился на свадьбу, не хуже какого-нибудь бея. Хозяева приняли Оджу с великим почетом, посадили на самое почетное место и все время пытались вовлечь его в беседу. Когда подали на стол кушанья, Насреддин пододвинул рукава шубы к блюдам и сказал:

– Кушайте, кушайте, любезная шуба. Этот почет оказывают ведь совсем не мне, а вам моя дорогая» [1, с. 157].

По В. Я. Проппу, незыблем закон сохранения композиции с заменой действующих лиц [21, с. 356]. В данном случае изменены не только персонажи, но и место действия, пространство.

Анекдоты о Ходже Насреддине впервые были записаны в XVI веке турецким поэтом «Джами Рума» – Ламши (умер в 1531 г.). Насреддин, существовавший в реальной жизни, похоронен в Ашекире (окрестности Анкары). Надгробная надпись на могиле этой полулегендарной личности датирует его смерть 683 г. хиджры (1284-85 г.г.) [6, с. 249]. Устная традиция переносит его в XVI в., эпоху Тамерлана.

Дума о Гандже Андибере, по мнению ученых, была создана в 30-40 годы XVII столетия. Это позволяет предположить заимствование сюжета на Востоке, тем более, что анекдот указанного содержания есть в

фольклоре множества тюркских народов [14; 16; 20]. В частности, крымскотатарский Ахмет-Ахай также угощает шубу кушанием на свадьбе [2, с. 189].

Как отмечал В. А. Гордлевский, в крымских анекдотах о Насреддине и о его крымском собрате Ахмет-Ахае нашло отражение непосредственное воздействие турецкого фольклора на народную культуру крымских татар [6, с. 222]. Стоит отметить, что в Крыму происходит сближение анекдотов с жанром волшебной сказки, понижается их социальная значимость.

В то же время, в Турции настроенные суфийски писатели XVIII века, несколько смущенные грубостью шуток Насреддина, искали в них высший смысл. Так смотрел на них Салахаддин (Ушанский), сочинивший 60 суфийских трактатов. Эта традиция продолжает существовать в современной философской литературе [8, с. 81-124].

О проникновении анекдотов о Ходже Насреддине в восточнославянский фольклор писали М. П. Драгоманов [13], В. А. Гордлевский [5]. Предметом исследования было воздействие турецких анекдотов на произведения, принадлежащие тому же жанру. В частности, М. Драгоманов отмечал, что среди украинских анекдотов, в которых действуют иноземцы, немало заимствованных у тюркских народов. Иногда «анекдоты эти не совсем ясны, как будто недоделаны. Последнее обстоятельство, – полагал ученый, – есть почти всегда признак, что известное произведение народной словесности возникло не в местной среде, а зашло со стороны и усвоено понаслышке и не совсем отчетливо» [13, с. 210].

Р. И. Музафаров обнаружил более 50 украинских анекдотов, сходных с анекдотами тюркских народов [17, с. 27]. Еще И. Я. Франко записывал в Жовкивском повете народный рассказ «Проповедь муллы». Современный исследователь Р. Гамада в своей статье отметил, что анекдот «Селянин та крамар» повторяет сюжет рассказа, в котором Насреддин расплатился звоном монет за запах кушанья [3, с. 164].

Учитывая недостаточную «проницаемость» эпических жанров, в особенности, позднего героического эпоса украинцев, следует отметить исключительно важное значение появления мотива анекдота насреддиновского цикла в украинской думе.

Для того, чтобы оказалось возможным заимствование сюжета или отдельного сюжетного мотива, необходима историко-типологическая обусловленность, совпадение миропонимания, мировоззрения.

Сложно найти историю, которая бы с большей тонкостью высмеивала социальное приспособленчество. И в турецком анекдоте, и в украинской думе мы видим свойственную роду человеческому иронию насмешки над скупостью, угодливостью и высокомерием. Однако каждая культура и каждый исторический период создают особую обстановку, в которой сюжетный мотив приобретает специфический характер.

Смех турецкого Насреддина мягок и далек от сарказма или озлобления. Позже турецкая интеллигенция восприняла анекдоты как завуалированные суфийские притчи, а крымские татары внесли в веселые рассказы элемент волшебной сказки и чародейства. Украинцы XVII века увидели в истории прежде всего противостояние между богатыми и бедными.

В думе «Казак-неотяга Фесько Ганжа Андибер», помимо основной идеи произведения и уже упоминавшегося сюжетного мотива, на связи с Востоком указывает ономастикон – название географических пунктов.

Для дум раннего цикла в целом характерна сосредоточенность действия на территории Северного Причерноморья, Крыма, отчасти – на территории Левобережья. Ганжа Андибер заходит в корчму в городе Килии. В XVI-XVII столетиях в Килии, Бендерах, Измаиле и Аккермане держала свои гарнизоны Турция. Эта часть Северного Причерноморья была территорией Буджакской Орды, которая традиционно подчинялась Крымскому ханству, а с 1475 г. – Османской империи.

Название «Казак-неотяга Фесько Ганжа Андибер» содержит дополнительную информацию, указывая на основную идею произведения.

Имя запорожского гетмана существенно отличается от имен других персонажей: «Довгополенко, Войтенко, Золотаренко, Настя-кабатчица» – и «Ганжа Андибер». Безусловно, в думе могло быть зафиксировано одно из тюркских имен, встречающихся среди украинцев в большом количестве. Например, в королевской грамоте от 15 сентября 1561 г. О наборе на службу казаков приведены их имена: «Ясе-ходжа, Бокайчик, Карача-ачкай, Джаниш, Муса, Скиндер, Лутьчюн» [10, с. 74]. В реестрах казачества 1552 г., и 1581 г. Встречаются тюркские фамилии и прозвища: «Бахта, Байдак, Бут, Гусейн, Кудаш, Толук, Маликбаша, Охмат» и др. [22, с. 97].

Однако, на наш взгляд, подобное сопоставление не могло быть случайным. Для дум, как и для многих других относительно поздних фольклорных произведений, характерна сложность, приближающаяся по многообразию толкований различных значений к современному символизму. Ответ на «загадку» Ганжи (Ганджи) Андибера может быть найден в контексте замечания В. Я. Проппа, отметившего, что генетически фольклор сближается не с литературой, а с языком [21, с. 10].

Отметим, что на древнетюркском языке «Gang» – «сокровище». На турецком (диалектном) «gönc» – «зажиточный» и «gani» – «богатый». Турецкие слова «kandırmak», «kandırlıce» – «убеждать», «убеждающий» (аналогичны в крымскотатарском «кьяндырмак», «кьяндырыджы») – слова того же значения. В названии думы может быть скрыта ее основная идея: казак-неотяга Фесько Ганжа Андибер – представитель казачьих низов «растолковывающий богатым». Растолковывающий, приказав побить их березинами.

Учитывая реалии украинского общества XVII столетия, ярость возмездия, которая порой охватывала казацкие массы, подобный финал произведения отвечал народным представлениям о справедливости. В эту эпоху казацкая старшина уже противопоставляла себя соотечественникам. Проявлялись тенденции, которые к XVIII столетию приведут к резкой поляризации богатства и бедности.

Как отмечают современные авторы, во второй половине XVII столетия «... с удивлением и грустью посполитые должны были наблюдать, как вчерашние «соратники по общенародному делу» дарили, обменивали, завещали, застраивали еще недавно свободные и доступные для всех желающих земли» [19, с. 18]. Когда на рубеже XVII столетия начался процесс раздачи земель вместе с людьми, дума о гетмане-защитнике интересов голоты стала особенно близкой простым людям.

«Ей, дуки... ви дуки!
За вами всі луги і луки,
Ні где нашому брату, козаку-нетязі стати,
І коня попасти!» [24, с. 41].

Таким образом, заимствование оригинального сюжетного мотива угощения одежды пищей в думе «Казак-нетяга Фесько Ганжа Андигер» является проявлением контактного аспекта фольклорных связей. Предпосылкой подобного заимствования являлась общечеловечески значимая идея порицания социального приспособленчества и высокомерия. В зависимости от исторической ситуации, социального уклада и особенностей национальной культуры, в сознании создателей фольклорного произведения формируется определенная картина мира, которая непосредственно воздействует на творческий процесс. Путем замен и переосмыслений сюжетный мотив может трансформироваться от забавного анекдота до суфийской притчи, от веселого рассказа с элементами волшебной сказки до острой социальной сатиры. Диалектика сложного взаимодействия общего и особенного показывает единство общечеловечески значимого при многообразии национальных интерпретаций.

Особую роль играет название дум, которое, являясь одновременно фабульным и кульминационным, выражает основную идею произведения.

Источники и литература

1. Анекдоты о Ходже Насреддине и Ахмет Ахаве = OQA NASREDDIN VE AHMET AQAI HA QQBNDAAANEKDOTLAR. Тексты записаны фольклорной бригадой Алушкинского дворца-музея / Подгот. текста к печати С. Д. Коцюбинского; Отв. ред. Я. П. Вирзгал – Симферополь: Гос. издат. Крым АССР, 1937. – 368 с.
2. Ахмет Ахай Озенбашский: 1-я книга сказок / С. И. Мирер. – М.: Сов. Писатель, 1940. – 201 с.
3. Гамада Р. Насреддин відомий та невідомий // Всесвіт. – 2006. – № 7-8. – С. 162 – 165.
4. Гордлевский В. А. Ахмет Ахай (Эскиз) // В. А. Гордлевский. Избр. соч. – т. IV. – М.: Вост. лит., 1960. – С. 215 – 223.
5. Гордлевский В. А. Рецензия на книгу Н. Сумцова «Малорусская этнография» // Этнографическое обозрение. – 1901. – № 1. – С. 182 – 183.
6. Гордлевский В. А. Ходжа Насреддин // Анекдоты о Ходже Насреддине / Пер. с турецкого В. А. Гордлевского. – 2 изд. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1958. – С. 242 – 258.
7. Грица С. И. Українські думи в міжетнічному діалозі // Родовід. – 1995 № 11. – С. 68 – 80.
8. Идрис-шах. Суфизм. – М.: Тов. «Клышников, Комаров и К^о», 1994. – 446 с.
9. Исторические песни малорусского народа / С объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. – Т. II, вып. 1. – К.: Типография М. П. Фрица, 1875. – 166 с.
10. Історія українського козацтва. Нариси у двох томах. – т. I / Редкол. В. А. Смолій та ін. – К.: Вид. дім Києво-Могилянська академія, 2006. – 800 с.
11. Кирдан Б. П. Украинские народные думы. – М.: Изд-во АН СССР, 1962 – 287 с.
12. Колеса Ф. М. Мелодії українських народних дум. – К.: Музична Україна, 1969. – 396 с.
13. Кузьмичевский П. (Драгоманов М. П.) Турецкие анекдоты в украинской народной словесности // Киевская старина. – 1886. – февраль – с. 209 – 236.
14. Латаифу Молла Насреддин (Перевод с кумыкского языка Хаджи Акайым агы Газанбая из Н. Дженгута). – Темирханшур: типография М–М Мавраимова, 1914. – 206 с.
15. Лисенко М. В. Характеристика музичних особливостей українських пісень, виконуваних кобзарем О. Вересаєм. // Вестник Европы. – кн. 8. – 1891. – С. 843 – 845.
16. Молла Насреддин. Анекдоты / Пер. с азерб. Ю. Гранина. – АН Азербайджанской ССР. Ин-т лит-ры им. Низами. – Баку: Элли, 1975. – 334 с.
17. Музафаров Р. И. Русско-тюркские фольклорные связи очерки. – Изд-во Саратовского ун-та, типография г. Мелекеса, 1966. – 38 с.
18. Нудьга Г. А. Український поетичний епос. – К.: Наукова думка, 1971. – 48 с.
19. Присяжнюк Ю. П. Українське селянство XIX – XX ст.: еволюція, ментальність, традиціоналізм. Навч. посібник. – Черкаси: Відлуння – плюс, 2002 – 120 с.
20. Притчи о Молле Насреддине. – Махачкала, 2001. – 64 с.
21. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 365 с.
22. Семененко В. И., Радченко Л. А. История Украины. Учебное пособие / под ред. М. И. Бондаренко. – Харьков: «Торсинг», 1999. – 479 с.
23. Сокальский П. П. Русская народная музыка. Великорусская и малорусская в ее строении мелодическом и ритмическом. – Харьков: типография А. Даре, 1888. – 368 с.
24. Таємниці віків. Укр. нар. думи, легенди, перекази, пісні, сказки. – К.: Грамота, 2005. – 512 с.
25. Франко І. Я. Як виникають народні пісні / І. Франко. Зібрання творів у 50 тт. – Т. 27 – К.: Наукова Думка, 1977. – С. 57 – 65.